
Максим СИМБИРЕВ

ВЕРНИТЕ МОИ НОГИ

Рассказ

Когда Василий проснулся, он еще не знал, что его город снесут. Каменные удары всю ночь мешали спать, и потому старик уткнулся носом в пожелтевшую перьевую подушку и ненадолго уснул. Казалось, грохот бил по седому венку на голове и пролетал через гигантские уши в подкормку.

Он проснулся на рассвете, сразу взял пачку «Явы» и прокурил прокуренную квартиру в который раз.

Василий спустился вниз через подъезд хрущевки, где воняло табаком и старинными коврами, мочой и бездомными котами, в майский двор. Паразиты. На улице гудел какой-то транспорт, иногда можно было расслышать восточные слова. Дым и пыль застлала улицу и разъедала и без того покрасневшие глаза Василия.

Все это заставило его замереть на месте, не идти вперед. Он пошаркал тапочками вокруг дома, вернулся в комнату и закрылся на второй замок. Слабость взяла верх. И ему даже перехотелось кричать на паука в туалете, как он делал это каждое утро.

Вместо криков Василий позвонил мне:

— А-а, привет. Але-але! Спишь, да? Не спишь?! Слышишь, тут муть мутят за окном, сто лет бензином не воняло. И стройкой тоже, небось новый кто, проведай меня, а.

Мне повезло, что на остановке была «газель». Она вообще ходила редко, даже очень редко. Символически. Сегодня я оплатил проезд в семь раз дороже, и только тогда водитель тронулся. Такой вот Чичиков. Ехал в пустой маршрутке, меня окружали мертвые деревни и долгая степь.

На маленькой площади стоял большой дедушка Ленин. От него было две пользы: первая очевидная — он радовал пенсионеров, а вторая ироничная, хотя... и первая тоже, но не настолько, в общем, участковый с помощью памятника поймал закладчика, точнее, с помощью его указательного пальца. *Недалекий — такое у него появилось прозвище в тюрьме частенько подкладывал травку под елочку ровно туда куда тыкал дедушка а сам шутил над этим в узких кругах на то он и Недалекий камер вокруг не было зато шутка долетела до участкового и с тех пор елочка была без подарков и это главная площадь и я к тому что столько мест вокруг даже гора рядом была пока не спилили а Недалекий додумался положить в самое сердце города кто-то спросил зачем туда ведь был риск а он ответил: «Да шо туда, то сюда блин: они сидят в пещере своей блин-на-фиг-блин, выйдут оттуда, блин, ты им под дверь нагадь, блин, а один хрен-на-фик-блин, не выйдут, блин. На фиг».*

Максим Витальевич Симбирев родился в 2000 году в Саратове. Окончил Саратовский юридический колледж, сейчас учится в СГУ им. Чернышевского в Институте филологии и журналистики. Публиковался в саратовском журнале «Нитан». Дважды финалист семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России». Живет в Саратове.

Почти попал в точку. Но один из них все-таки выползал раньше — как раз участковый. После победы его наградили, и с тех пор он исчез в отстраненном доме, что напоминал подарочную коробку. Больше его не видели.

Или бункер. Что же такое бункер? Бункер выглядел почти как бункер. Ничего особенного, просто натянули пластиковую синюю кожу на старое здание. Единственная его уникальность в том, что в него умещалось правительство, суд, прокуратура, полиция, пенсионный фонд и определенно что-то еще. Все органы жили в одном месте, а на их «коммуне» висели позолоченные таблички на все окна и двери, к примеру, суд:

Муниципальное управление федерального исполнительного арбитражного суда учреждение № 1 для назначения административных, уголовных и уголовно-процессуальных дел при правительстве г. Мересьи.

А правительство еще лучше:

Государственное автономное учреждение управление министерство руководство правительство администрация господство г. Мересьи отделение № 1.

Таких надписей было еще несколько. Я рассматривал вообще все, что было написано вокруг. Больше этих табличек выделялся плакат «С праздником!». А с каким именно праздником — непонятно, под любой подходил. Здесь все было непонятно.

Вокруг не было деревьев, их заменяли столбы с проводами. Та самая елочка на другом конце площади была единственной зеленью, остальные превратились в отбеленные пеньки, и все они красовались белизной.

Это сейчас я иронизировал, а на самом деле все по-другому устроено.

Знайте, что это они смеются над нами, над всеми нами, всегда, и мне как свободофилу никогда не понять, почему диктуют правила. Почему кто-то решает за всех, вынуждает и обязывает? *Наш мир устроился еще с древних времен только тогда чтобы пойти в другую общину сначала били по голове или уже потом чужие били дубиной а потом ели а сейчас же ментально бьют когда получаешь визу но теоретически если в Мересьях пойти в чужой район то получить можно уже не ментально нам вообще с рождения запрещают свободно передвигаться мы рождаемся на земле с кучей ярлыков имя фамилия гражданство и еще куча других на них нанизывают ограниченные права и неограниченные обязанности к тридцати осознаем что мы скованы парой сотен километров и не видели мир в этом не виновато наше поколение прошлое и позапрошое виновники умерли давным-давно в далекой галактике...*

Пошел в сторону дома Василия. По дороге смотрел по сторонам. Чего я ждал? Не знаю, может, что все починит само себя? И да, и нет. Не знаю, не верилось что-то. А в детстве мне все нравилось, даже то, что могло убить. Чуть отойдешь от площади, а тут полуоткрытые люки, прикрытые дощечками, как дырочки в ад. Кинешь туда камешек и радуешься. Помню и нечто ужасное. Ребята с другой улицы бросили в один из люков котенка, а в другой скинули соседа Кешу. Я сразу побежал искать помощь. Кешу кое-как выгнали ошпаренного, и врачи ему отрезали переломанные ноги. А котенка достали лишь для того, чтобы закопать. *Подонков даже не поставили на учет так эти потом еще больше издевались над инвалидом и чуть не довели до смерти а сейчас работают в бункере как будто не убивали животное и не бросали человека в яму все же так легко все просто чужой ведь не ставит другую жизнь ни во что не понимает что она у каждого одна.*

Рядом с незакрытыми люками была детская площадка советских времен, оборудованная паутинкой и даже несколькими шинами с доской посередине — «лавочкой».

Так начинался один из немногих дворов в Мересьях. Их было всего несколько, потому что здания построили слишком плотно и места для площадок не оставалось.

Подошел к дому Василия. Под подъездом была огромная дырка, ведущая в подвал. Непонятно, как дом еще не упал. На деревьях кто-то из соседей развесил плюшевые гнилые игрушки. Входная была нараспашку. Спокойно поднялся наверх и позвонил в квартирную дверь. Мне открыл горбатый старичок. Он протянул огромную непропорциональную руку. Предплечье у него было слишком узким, а ладонь размером со среднюю книгу советского издания.

— А-а-а, привет, — поздоровался он, пересчитав мои костяшки. Потом обнял меня и ушел в комнату.

Дед уже сидел на диване.

— Ку, — поприветствовал Василий еще раз, затем похлопал себя по щекам и развел руки в стороны.

— Ага, — ответил я. Это значило у нас, что сейчас будут шахматы.

Я подошел к полированному серванту и достал пыльную доску. Пока доставал, случайно бросил взгляд на вышитый портрет Сталина. Меня успокоило, что он смотрел куда-то вбок, а не в глаза. Я вернулся и сел спиной к телевизору. Василий всегда сидел к нему лицом. Мне приходилось расставлять фигуры за двоих, пока он крепко сжимал пульт и смотрел ток-шоу. Наша партия начиналась всегда с е2—е4. Дальше двигали коней, слонов, короче, испанская партия. Далее короткая рокировка и громкое «е-тудэй!». Так Василий проигрывал центральную пешку, после четырех нанизанных на нее ударов. Он думал дольше меня. Я всегда знал, как пойду дальше, поэтому поворачивал голову и смотрел телевизор, кривя лицо от ужаса. *Но на долю секунды мне верилось в нашу силу верилось что все в мире сволочи все кроме нас верилось в безумное что мы спасем мир а другие будут целовать наши ноги а мы будем их мыть в Индийском океане.*

Потом Василий двигал фигуру, и моя голова возвращалась из гипноза. «Ой, л-я-я-я-ть!» — так он терял коня. Затем улетала ладья. На поле битвы оставались король и несколько пешек. Мои белые поджимали его в угол, и дедушка громко произносил: «Всё, капут!»

Почти с детства не проигрывал ему, но каждый раз слышал: «Я играю вполсилы! Н-у-у, прогресс у тебя есть, не зря учил тебя, но до Илюши тебе далеко! Ух, он мастер! Шахматную академию кончал. А отец его... да тот вообще гений!»

Илюша — мой какой-то юродный дядя. Не знаю, куда и что он кончал. Не следил. Но меня всегда смущало это устаревшее значение слова. Кончал. Кон-чал. Я побеждал Илюшу почти всегда. Отец у него умер, к несчастью. Но дед до сих пор воспевал своего брата, будто он даже мертвый меня разгромит. Да что там разгромит, прямо из могилы вылезет труп и уничтожит мою сицилианскую защиту.

Когда я был маленький, дед давал мне сто рублей за победу. Можно было победить пять-шесть раз, но больше я от этого не получал. Похоже на песню Гребенщикова и вообще на весь прошлый мир. Все четко и по порядку. Все по плану. Василий хранил свой капитал в джинсовой жилетке, она всегда висела возле окна. Дед лично вставал с дивана и медленно шел за моим призом. Его поход я сравнивал с какой-нибудь церемонией.

Сейчас он просто предложил выпить с ним «Байкал». Я пошел на кухню и встретил еще один портрет красного вождя. Из соседней комнаты услышал: «Тварь бандеровская!» Это он телевизору. «Рожа у него крысиная прям», — сказал Василий, тыкая пальцем в какого-то поляка. Я посмеялся в кулак.

Рожа у него крысиная. Прям. Крысиная.

Я им, с..., трону.

— Где? Где? — переспросил я.

— Нигиде.

— И много еще сносить будут?

Китаец промолчал.

Я понял, что говорить с ним незачем. И пошел уже пешком в бункер.

Пустота — никого нет на входе. И внутри никого. Я обходил дешевые залы один за другим. Вокруг были только портреты и бумажки, но не живность. Она исчезла. В ни-гиде. Юди ни-гиде. И только в зале суда я встретил две мантии. Как символично за-шел — сидят священник и судья, спорят друг с другом, пьют вино. Те двое, что кинули Кешу в кипяток.

— Что? — спросил я у них.

— Что? — переспросил священник.

— Что? — спросил я у них.

— Что? — переспросил судья.

— Вина ваша.

— Вино наше, будешь? — ответили они.

— Школу снесли.

— Город снесли, — добавил священник.

— Капут ему, — вставил судья.

— Правосудие, слышишь? А ты, преподобный, слышишь? Люди где? — возмутился я.

— Нигде. Гору спилили, — сказал священник.

— Ноги спилили, — сказал судья

— Конец горам, конец ногам, — сказали оба.

Верните мои ноги. Верните мои ноги. Ноги. Ноги. Ноги.

— Мантия почему ты думаешь почему вы все думаете что если чиновники то решают все за всех кто придумал эту пургу почему люди согласились жили как жили же нет дали кому-то власть думали помочь будут а они только убивают грабят ломают и убивают да какое вы право имеете убивать людей а если тебя убьют вы не понимаете все нет человека нет тебя нет жизни восприятия нет твоего восприятия тоже нет не будет умер все... темнота небытие а ведь каждый уникален каждому при-рода дала жизнь и вы не вправе решать за других сам Бог не вправе отнимать жизни да священник но почему почему почему тогда так происходит? Почему кто-то думает, что он Бог и забирает у слабого жизнь? Почему слабый человек убивает слабое животное? Для чего? Неужели, а клево, наверное, раздавить жука? А что, еще появится. Нет! Представьте, не появится! Это Платон и Аристотель повернули людей не туда, хотя и до них убивали. Но теперь убивают с улыбкой и дальше будут убивать да что это объясните мне зачем делать мир где ты жрешь мясо представьте вы жре-те чей-то труп как ему а вы хотели а вы хотели чтобы вас съели хотели бы любые убийства но это же грань это же грань это же грань!!!

— Люди создали закон, чтобы предотвратить эти убийства, а ты, юноша, ругаешь и Бога, и закон, — спокойно сказал мне священник.

— А ты грабишь! Воруешь и грабишь! И людей калечишь! Напомнить, как ты ки-нул Кешу в люк? И твой друг, оба-два. А теперь один священник, а второй судья. Вот и спорите вечно, кто из вас чище. А вы оба грязь. А ты, судья, лучше скажи, в какой день проснулся и сказал себе, что ты — судья?

— Не только закон и Бог решают, что делать, а что нет, — возразил судья.

— Конечно, не решают. Только почему-то закон ставит мне пространственные границы, а Бог запрещает вкусно поесть.

— Он не об этом, а даже если и о том, то все ради общего блага, — сказал священник, — есть третье правило, правило бумеранга, здесь оно сработало. Как раз-таки Кеша, твой сосед, и сносит город. В отместку. Он уже года три как миллиардер, решил выкупить свое прошлое и снести его.

— А гору тоже Кеша спилил, а?

— Гору нет. А город да, — ответил судья.

— Как вы допустили это? И где Кеша?

— Нигде. На спиленной горе сидит, — ответили хором.

Я оставил их и побежал быстрее, что есть силы. И на вершине в инвалидной коляске сидел человек со шрамами, а за его спиной разбирали город.

— Иннокентий, — обратился к нему я, — скажите: почему люди убивают мух и живут дальше?

— Не знаю, — ответил Иннокентий.

— И я не знаю.

— Ты сам убийца, — сказал мне Иннокентий. — Я-то прошлое разрушил, а ты каждый день душишь будущее. А те, что на твоём теле живут, сами умирают? Ты когда шагаешь, убиваешь их. Да что шагаешь, пальцем двинешь, уже палач.

— Но в этом мире я виноват меньше всех. Я не могу шагать.

— Нет, мы оба.

Не было никого на горе, это я выдумал. Или не выдумал. Вот скоты. Я им, с..., трону. Юди нигиде. Юди нигиде, юди нигиде. Или все остальное выдуманно, и гора спиленная выдумана, и гигантские уши Василия, его лысина, и оба-два выдуманы, а Кеша не выдуман. Вот он! *Сидит и ликует пока все вокруг ломается но если он ликует пока все ломается то Мересьи не выдуманы но уже скоро станут легендой или забудутся а Кеша он был есть и будет но не в Мересьях городе-городишке который скоро снесут и уже почти снесли.*

Верните. Мои. Ноги.